

Мелочь

The background of the cover is dark, with a large, bright, circular light source at the top center, creating a lens flare effect. Below this, several vertical lines of light in various colors (blue, green, red, purple) extend downwards, creating a sense of depth and movement. In the foreground, a coin is placed on a grid-like surface, possibly a keyboard or a similar structure. The overall aesthetic is futuristic and artistic.

Мира Баук

Мира Баук

Мелочь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70570672

SelfPub; 2024

Аннотация

Уличный музыкант влюблён в своё ремесло. Однажды во время выступления он видит, как ребёнок падает в фонтан, и, чтобы спасти его, ныряет следом... Их обоих затягивает в параллельный мир. Мир, где музыка – преступление. А дитя – единственная ниточка к спасению.

Мира Баук

Мелочь

Предисловие

Этот текст был создан в 2020 году и представлен здесь в оригинальном виде. Его можно отредактировать и откорректировать ещё раз, и ещё, и ещё... а можно перестать шлифовать старые тексты, которые никогда не будут хороши на сто процентов, и наконец показать их людям, чтобы читатели познакомились с историей.

Эта история начинается в среду, а бабушка всегда говорила Анте, что среда для него – день несчастливый. Анте не был суеверным и только пожимал плечами в ответ на это заявление. Возможно, человек начинает придавать смысл каждой мелочи, только пройдя сквозь череду самых невероятных и необъяснимых событий. Во всяком случае, до этого сентябрьского утра все среды в жизни Анте казались ему совершенно нормальными.

Многие города остались за его спиной, и многие ждали впереди. Он отправился в странствия, пытаясь убежать от себя, и вместе с тем узнать, каков он на самом деле, хотя спустя годы понял, что никаких открытий от жизни не ждёт.

Анте был уличным музыкантом, а музыка – его единственной любовью. Даже у гитары было имя. Уна. "Единственная". И хотя такое имя получала каждая гитара, Уна всегда была особенной для него. Анте не просто любил её – без неё он бы умер.

Уна недовольно гудела от неловкого движения, стукнувшись о его бедро. Она звонко смеялась, едва задень струны кончиками пальцев. Её изгибы теплели под его ладонями. Душа Уны говорила с ним. Пела ему.

Предшественницу Уны Анте потерял по неосмотрительности. Нет, не так, как теряют вещи, а так, как теряют близких людей. Одной погожей летней ночью, такой влажной и густой, что её можно было разливать по бокалам как черничное вино, окольными путями Анте шёл домой. Конечно же, это был не родной его дом, где семья живёт годами, а всего лишь арендованная комнатка на чердаке, но зато дёшево, сухо и прекрасный вид на город.

Стоит ли рассказывать, что бродить ночью в одиночестве – плохая идея? Темнота, хулиганы, страх... Обломки Уны он нёс, прижав к сердцу, и даже синяки и ссадины не причиняли такой боли, как прощание с любимой.

Эту солнечную сентябрьскую среду Анте считал последним днём в Праге перед долгим путешествием на юг. Туристы уже сменили курс на курортные городки, чтобы продлить отдых. Но пока тепло наполнило пражские улицы, Анте ловил любую возможность для выступления. В те дни, когда

птиц не сносило шквальным ветром, а прохожие не сидели по домам, он занимал свободное место на площади и играл.

Народу сегодня было немного, зато люди сменяли друг друга под методичный звон монет. Иногда, заслышав любимую мелодию, ностальгирующие старушки или потрёпанные жизнью обыватели бросали в открытый гитарный кейс и купюры. Анте любил такие потоки зрителей больше обычных уличных концертов. Тогда он мог тайком халтурить, исполняя популярные песни по нескольку раз, и вовсе не стыдился этого – себя нужно как-то кормить.

Именно из-за такой навязчивой песенки Анте ощутил на себе пристальный взгляд. Довольно странно удивляться вниманию, находясь в центре толпы, но это было нечто иное.

Едва различимая среди зрителей, на бортике фонтана сидела девочка. Маленькая, смешная и лопоухая как фе-нёк-нескладёныш. Она не смотрела на Анте. Глаза её были закрыты, но его не покидало чувство, будто она единственная из всей толпы слышит его. И Анте продолжал играть.

Всё случилось слишком быстро. Погружённая в музыку, словно в сон, маленькая фигурка покачнулась и полетела спиной в воду. Ни один человек на площади не заметил этого.

Мгновение – и Анте перекидывает ногу через бортик фонтана. Другое – и Уна жалобно звенит, хлопнувшись деккой о поверхность воды. Струи паутиной хлещут над голо-

вой. Потоки с гудением разрезают воздух. Анте шарит по усыпанному монетами илистому дну в поисках детской лодыжки или ладошки, но ногти царапают только склизкий камень. А потом всё меняется.

Он стоит в переулке внутри дождевой бочки, по колено наполненной водой. В полумраке Анте кажется, что он видит выцветшие корешки книг... Но на самом деле это кое-как уложенные кирпичи в стене. Вокруг жуткий грохот, точно в центре Гонконга в разгар праздничных гуляний. Анте с сомнением смотрит в стену. Он чётко помнит фонтан.

Это как нужно удариться головой...

Анте, мокрый и растерянный, стоит в дождевой бочке неведь где. В одной руке гитара: тоже мокрая, да настолько, что перед ней стыдно. В другой – чешская корона, от влаги покрывшаяся патиной. А на дне желудка ворочается ужас.

Для начала решив выбраться, Анте поставил Уну на бугристую потрескавшуюся тротуарную плитку, прислонил гриф к стене и, крякнув, подтянулся за бортики. Выбраться из бочки, не свалив её набок, оказалось нелегко.

В сумраке мигнули два жёлтых... Нет, не фонарика. Огромные жёлтые глаза недоверчиво таращились на него из полумрака.

"Кошка?" – подумал Анте. – "Что-то крупновата..."

– Вам нужна помощь? – прозвучал жестковатый голос за его спиной, но обернуться Анте не успел. Фонарики сощурились, приглушив свой свет, и наконец стало видно веснуш-

чатое личико.

– Ой-ой-ой, – вытянулось личико. Анте запаниковал.

Торжественно тренькнув в ми мажоре, Уна куда-то побегала.

– Стоп, куда!.. – растерянно воскликнул Анте. Его любимый инструмент скрылся за углом, отражая лакировкой косые солнечные лучи.

Что это за место? – едва успел подумать он, ныряя в калейдоскоп разваливающихся зданий. Вокруг всё шаталось, поворачивалось и падало, светилось и предупредительно мигало. Анте пытался рассмотреть, что происходит, но перед глазами плыло. С волос капало, в ботинках хлюпали болотца. Мокрая одежда липла к телу, воняя тиной.

Следуй за ребёнком... Отличная идея! Нырнуть в фонтан, лишиться гитары, догнать воришку в лабиринте незнакомого города – что может быть прекраснее? Ещё утром он никуда не торопился и был рад простому завтраку. Что пошло не так?

Фыркнув в ответ на собственный сарказм, он прибавил хода.

Не то, чтоб Анте любил геройствовать. Он вообще никогда не считал себя благодетелем. Может быть, выиграло тщеславие – спасти несчастную девочку на глазах у сотни зрителей, а может он и правда волновался за её жизнь. Так или иначе, Анте не предполагал, что ради доброго деяния жерт-

ву придётся догонять.

Сквозь жуткий треск улица вращалась по кругу. Едва убедив себя, что ему это только кажется, Анте тут же наткнулся на лязгающие человеческие фигуры. Минутку. Ничего подобного. Люди не умеют лязгать сами собой.

Странствия и увесистый рюкзак закалили его тело, но это не помогло. Всё здесь было странно, и всё превращало прохожего в легкоатлета. Причудливые улочки вытягивались в высокие лесенки, лесенки – в эскалаторы и карусели, дома то терялись далеко внизу, то вдруг вырастали до башен. Улица мигала сотнями цветных вывесок, точно город оделся в цирковой костюм. И даже тротуары походили на бесконечный пчелиный улей.

Яма на пути Анте словно бы стала ещё шире и с жадностью поглотила его ногу. Нога Анте подвернулась, а "несчастливая" среда наконец оправдала своё название. В глазах потемнело от боли, но Анте продолжал бежать. Он больше не пытался запомнить дорогу после того, как вместо садовой ограды, через которую он едва перемахнул, позади оказалась витрина булочной.

– Да... стой же... ты... – протянув руку, музыкант почти царапнул ногтями по родным, дорогим сердцу струнам.

Но он так и не смог схватить гитару. Уна обречённо уплывала прочь. Жёлтые фонарики испуганно мелькнули из-за грифа. Кто-то позади сердито закричал. Взвыла сирена. Анте рванул вперёд со всех ног, перескочил через ограждение

следом за девочкой, а потом обнаружил, что бежит прямо по воздуху...

Всю жизнь он считал, что не боится ничего. А оказалось, боится высоты. И оказалось это ровно тогда, когда ему ни за что на свете нельзя было этой высоты бояться.

Лязг и грохот слились в далёкое урчание. Гигантский город превратился в миниатюрный часовой механизм под его ногами, и у Анте, стоящего в пустоте неба, затряслись поджилки.

Помогите, – подумал Анте.

– Не шевелись, – словно бы ответила ему девочка-Фенёк.

В этот момент мимо его уха просвистел поток пламени. Анте решил, что остался без волос. А ещё ему очень захотелось жить.

– Что... я-где... чёрт-взьми?! – брякнул он в ужасе.

Вместо ответа глаза-фонарики красноречиво указали вниз. Они оба стояли на стекле, летящем по воздуху мало кому ведомым путём. А снизу, почти неразличимый на такой высоте, в них целился взвод стрелков. Кому Анте успел насолить, он не знал.

Вдруг девочка стремительно засеменила вдаль по стеклу.

– Стой!..

– Не отставай ни на шаг.

...

– Ни на шаг.

Он поспешил следом, чтоб чудом преодолеть стеклянный

мост, нырнуть в очередной лабиринт домов, оказаться на старой крыше, в подвале, прокатиться с горки до мусорной кучи посреди площади, и наконец очутиться у старого заплесневевшего переулка на берегу великолепной мраморной набережной. Сирена всё не смолкала, но едва за ними закрылась тяжёлая, обитая сталью дверь жилища, стало тихо и спокойно.

Это была не совсем тишина. Из плотного, урчащего моторчиками гула послышался недоверчивый женский голос:

– Мелочь, это ты? Где запропастилась? – а потом шёпот: – Почему две пары?..

– Всё па-а-ад контролем. Я тебе кое-что принесла! – хихикнула девочка, и не успел Анте опомниться, как его драгоценная гитара опять побежала прямо через коридор – туда, откуда лился тусклый оранжевый свет.

"Это моя гитара!.." – хотел, было, возмутиться он, но тут комната затряслась и, возможно, даже, задвигалась...

Анте поспешил сесть на пол. Вовремя, потому что нога разболелась пуще прежнего. Но и девочка-фенёк остановилась, и крепко ухватилась за поручень, торчащий из стены.

– У-ух! Беспроводка!

– Не ругайся, – строго сказал голос ей в ответ.

В полумраке послышалась возня. Тяжёлый инструмент, видимо, гаечный ключ, с глухим лязгом упал в кучу хлама. Из глубины коридора в ореоле пыльного оранжевого света показалась хмурая "валькирия" в перепачканном машинным

маслом комбинезоне. Опасливо сузились жёлтые фонарики – точно такие же, как и у девочки-фенька. И тут девушка заметила гитару:

– Гнуть твою шестерёнку...

– Не ругайся, – передразнила её малышка и расхохоталась.

А потом валькирия увидела Анте, сидящего на полу. Он бы предпочёл, чтобы она не смотрела на него вот так, потому что в руке её был винтажный револьвер, из дула которого выглядывал язычок пламени. Подняв руки, Анте сразу "сдался".

Но, кажется, она не распознала в нём никакой опасности, – за что Анте стало даже немного обидно. И пока его мужское самолюбие недовольно возилось в лёгких, требуя проявить храбрость, валькирия мрачнее тучи нависла над девочкой.

– Ты тащила её через весь город?! Мел, ты с ума сошла?

– Да стражники её даже не узнали! Они гитару первый раз в жизни видят.

– Мел!

– Кина! Ну посмотри, какая она! Настоящая. Как ты хотела.

– Я не имела в виду чужую гитару...

– ...Мою гитару, – наконец посмел заикнуться Анте.

– Не таким способом, – валькирия по имени Кина пропустила его слова мимо ушей. – Ты же моя сестра, я должна о тебе заботиться. А из-за тебя детали вечно не на месте!

Тут коридор снова трянуло. Анте с непривычки приложился головой о стену и уже почти лежал.

– Пяять-коротить!

– Не ругайся.

– Ох, Мелочь...

Анте почему-то стало совестно, словно это он заставил девочку стащить у себя гитару. Из-за револьвера он был не против, что его не замечают, но была бы Уна в его руках, Анте без усилий привлёк бы к себе внимание...

Сидя на полу, он мечтал только о том, чтобы стащить ботинки и слить из них наконец болотистую воду. Но шататься без приглашения по чужому дому... чужой мастерской... нет, всё же дому... в поисках ванной было невежливо, и он уставился на дырявую медную сферу среди странных приборов на столике. Сфера походила на какой-то мудрёный астрономический прибор (впоследствии она оказалась заварочным чайником).

– Мел, стража не настолько глупа. А если бы тебя поймали? Если бы пришли сюда? Что бы ты делала... одна?

Мел попыталась возразить сестре, но... Послышался тихий трогательный вздох разочарования. Нижняя губа её задрожала, и вот уже глаза на мокром месте. Обняв Уну маленькими чумазыми ручками, Мел залила инструмент водопадом слёз.

Анте испытывал непознанный доселе коктейль чувств. С одной стороны, он был бы рад, если бы на Уну никто не пла-

кал (кроме него). При этом Мел ещё и гитару держала неправильно. Дека вся в отпечатках пальцев – больно смотреть. С другой стороны, внутри него родилась странная симпатия и даже нежность к этой девочке-воришке. В общем, гитару он забрать не рискнул, переживая, что Мел и вовсе перейдёт на ультразвук.

Понимая, в какую попал передрагу, Анте сунул руки в мокрые карманы. В пальцы легла корона из фонтана, к большому сожалению напоминая, что всё происходит на самом деле.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Кина, убирая револьвер за пояс и стаскивая перчатки, чтобы бросить в раскрытую сумку.

Анте сообразил, что обращаются к нему и... моргнул в ответ.

– Как ты здесь оказался? – она скрестила руки на груди.

– О, если б я знал...

– Зачем ты за мной полез? – то ли сердито, то ли расстроено вклинилась Мел, мигом прекращая плакать.

– Но ты одна. Маленькая. В фонтан! – объяснил он.

Неожиданно Мел адресовала ему озорную, совсем не детскую улыбку, и Анте почувствовал себя в точности как на пороге очередного консульства.

– Но зачем ты украла гитару? Зачем убегала от меня?

– Я не от тебя убегала, а от стражника. И тебя дурака спасла. Арестовали бы тебя прямо в той дождевой бочке – и де-

ло с концом. А так без гитары посидел бы там спокойно, подождал, я бы сама тебя нашла и отправила обратно. Так тут принято. А теперь что?..

– Теперь мы все по уши в этой каше, которую вы заварили, – вздохнула Кина и лёгким движением руки помогла Анте встать, и хотя тот поморщился от боли в лодыжке, стойчески её вынес.

– А почему меня должны были арестовать?

И тогда сёстры поведали ему, что в этом мире музыка запрещена под страхом смертной казни. Выслушав их, Анте с улыбкой посмотрел на Уну. Его пробрал глубинный нервный смех.

– Почему из всех возможных миров я попал именно сюда? Почему я не мог очутиться в мире, где запрещён какой-нибудь... сельдерей? Бокс? Роликовые коньки? Что мне делать? Мне конец?!

– Мы сделаем всё, чтобы вернуть тебя домой невредимым, – серьёзно ответила Кина, нахмурилась и вытерла совершенно чистые ладони о грязный комбинезон.

– Но что плохого в музыке? Почему она под запретом? – изумился Анте. Он никак не мог унять внутреннюю дрожь.

– Так было всегда.

– Как такое возможно? А танцы? А колыбельные?

– Нам запрещено не просто петь, но даже мычать себе под нос. Никто уже и не помнит, как должны звучать колыбельные.

– Но мы стараемся помнить, – осторожно добавила Мел, и её глаза-фонарики мигнули, как бы спрашивая позволения сестры. Та кивнула. – Кина делает потайные музыкальные шкатулки, как наш отец когда-то. А я их доставляю на подпольный рынок.

Вдруг Анте проникся к сёстрам таким уважением, что ему стало совестно за страх. Ведь он появлением в этом мире подверг их не меньшей опасности, чем себя самого.

– И как живётся без музыки? – печально спросил он.

– Сложно жить в полной тишине, но даже у механизма есть свой ритм, – ответила Кина, и позвала их обедать.

Не потребовалось никаких объяснений, чтобы Анте перешёл из категории "незнакомец" в категорию "гость". Странный, но вкусный и сытный обед из бутербродов с чёрным маслом (он искренне надеялся, что оно было не машинное) немного приободрил его. А услышав от Мел, что Анте подвернул лодыжку, Кина молча принесла механические ботинки.

Едва стоило их надеть, нога тут же перестала болеть. "Волшебные" ботинки ещё и пружинили, отчего Анте мог прыгать как кенгуру, правда не рискнул, не желая вписаться макушкой в низкий потолок. Хватало и того, что всё само во-круг шаталось.

– Потом вернёшь. Смотри не сломай, – наказала Кина.

– Я был бы более признателен, скажи ты так про мою ногу.

– Ногу тоже не ломай.

Кина решила, что другой такой возможности у неё не будет, и показала Анте инструмент, почти похожий на гитару, хоть и очень странную. Это действительно была гитара, но воссозданная по старинным чертежам, и чтобы улучшить её, Кина попросила разрешения изучить Уну.

И хотя Мел жаловалась, что сестра несколько не оценила её стараний, Анте видел во взгляде Кины неподдельный восторг. Та бережность, та любовь, с которой мастерица обращалась с инструментом, не встречалась ему даже среди лучших музыкантов.

Ей потребовалось всего несколько минут – и вот Анте вновь держит в руках свою Единственную. Он хотел сыграть сёстрам в знак благодарности, но почему-то так и не решился.

Собираясь в обратный путь, Анте поймал себя на мысли, что тянет время. То ли боясь попасться страже, так и не добравшись до дома, то ли потому, что ему вовсе не хочется уходить.

Время подарило ему такую возможность – путь их лежал не напрямую, а через подпольный рынок, куда Кина и Мел должны были отнести музыкальные шкатулки.

Казалось, в пути Кина производит какие-то невероятные математические вычисления. Немыслимым образом она ступала туда, куда надо, и ровно в ту секунду, когда там как раз появлялась нужная поверхность или лестница.

– Как ты это делаешь? – с восторгом спросил Анте. В этот

раз благодаря Кине он даже ни разу не споткнулся.

– Дед был архитектором, – ответила она, не отвлекаясь от вычислений. – Здесь всё подчинено алгоритму, который я знаю как свои двадцать пальцев.

– Ты хотела сказать: "Как свои пять пальцев"?

– У тебя руки-ноги на месте? – озадаченно поинтересовалась Мел.

– Да, – на всякий случай Анте поглядел на свои ладони.

– Тогда двадцать.

Уна, замаскированная под реактивный ранец, молчаливо висела на его спине вниз головой. Анте послушно следовал за Киной, уверенный, что без неё точно потеряется в странном, путаном городе, и был готов шагнуть за ней хоть на девятый круг ада, но что-то в этой логике сломалось, стоило ему снова оказаться перед прозрачным воздушным мостом.

– Как вы вообще по нему ходите?

– Просто смотрим под ноги.

– А если упадёшь?

– А зачем падать?

– Ну а вдруг?

– Ну ты ж не совсем дурак?

– Нет...

Разведя руками в стороны, мол "ну-всё-же-понятно", Кина продолжила путь. Анте хотел объяснить, в чём она не права, но решил сделать это как-нибудь потом. После того, как он стал жить одним днём, у Анте вошло в привычку откла-

дывать на потом всё, что требовало дополнительных усилий. Обычно к тому моменту, как он брался за проблему, та уже переставала иметь значение. Потому чаще всего он к ней и вовсе не возвращался.

– Вот мы и на месте. Подпольный рынок, – шепнула Мел.

Глянув на облака, скрывающие зеркальный купол небоскрёба: весь потрескавшийся и в пыли, Анте не смог скрыть усмешку.

– Ах, да, подпольный – это ведь значит "на самом верху".

– Город постоянно меняется и перестраивается, – ответила Кина без тени улыбки. – Дома и улицы перемещаются. Ты никогда не найдёшь здание в том же месте, где видел его раньше.

– И как же вы ориентируетесь? – растерянно спросил он, чуть не вписавшись в зеркальную дверь.

– Маячки, – Мел тайком показала ему наручные часы с сотней деталей и огоньков на циферблате, и Анте мельком заметил, что по коже её тянутся тонкие ниточки электросхем.

Более странного места Анте никогда не видел (и был уверен, что уже не увидит). Внутри небольшого купола развернулась целая флотилия торговых отделов, уходящих ввысь по спирали. Между ними точно среди библиотечных стеллажей стремились к небу вертикальные лестницы.

От уровня к уровню под лязг металла перелетали люди на реактивных ранцах, тут же у других посетителей из подошв

вырастали бесконечные ходули. У некоторых жителей Анте видел такие же прыгучие ботинки, какие дала ему Кина. И даже инвалидные коляски "отращивали" механические пау-чы ножки, чтобы взобраться на самый верх.

– Биопротезы-револьверы без гарантии!

– "Сладкая жизнь" – система спама для ваших недругов!

– Пыточная кулинарная книга для тех, кто ненавидит готовить. Самые невнятные рецепты на любой вкус!

Глаза разбегались так, что могли бы победить в олимпиаде. Товары всех мастей заполняли полки, свисая между этажами цветными полотнами и превращая рынок в гигантский цирковой шатёр-лабораторию. Диковинные звери с хрустальными крыльями и рыбы с электрическими плавниками, механические цветы, гаджеты для всего и всех на любой вкус.

Грянули фанфары, и Анте подпрыгнул на месте, не представляя, куда прятаться. Кина успокоила его, кивнув в сторону лязгающего организатора в цилиндре, что рассекал среди шарахающейся толпы на исполинском одноколёсном велосипеде.

– Подпольный рынок приветствует вас с запростёртыми объятиями! Регистрация торговцев у стойки номер тринадцать (разумеется, табличка оказалась заклеена объявлением о продаже собаки маминой подруги). А ежели вы покупатель – помните о правиле возврата: "ВОЗВРАТА НЕТ АХА-ХАХАХА!"

Организатор с громким хохотом скрылся за "безгазетным киоском". Шнур его микрофона тянулся следом, путаясь в ногах посетителей. Если кто не успевал перескочить – это была его проблема. Анте с тревогой поймал себя на мысли, что начинает ко всему этому привыкать.

Засмотревшись на отражение в негативном зеркале, как на рентгене, Анте в подробностях рассмотрел внутренности своей черепной коробки. Его едва не стошнило, но уже спустя миг Мел пришлось повиснуть на его руке, чтобы оттащить от витрины с миниатюрными фигурками-танцорами. Они не то чтоб танцевали – лишь неопределённо покачивались, но при взгляде на фигурки захотелось задорно выплясывать. Мел вовремя его остановила – ещё бы секунда, и Анте взялся бы за гитару...

Да, музыканты здесь тоже были. Пока Кина договаривалась с перекупщиком, Анте вслушивался в неопишимо жуткие прекрасные мелодии. Скрипач и флейтист в головных масках, в костюмах железных дровосеков и в тончайших бронзовых перчатках служили истинным украшением этого сияющего, грохочущего карнавала, и Анте не стал бы спорить, что народ приходит сюда послушать выступление, а не что-то купить.

Казалось, чтобы укрыть такой рынок от посторонних глаз, нужна сложная система шифров и взяток, но волею судьбы Анте узнал, как всё устроено в считанные секунды.

В толпе мелькнуло знамя гвардии.

– Беги!

Грянул сигнальный вой организатора – его огромный велосипед сложился в строгий деловой кейс, а самого крикуна как ветром сдуло. Спустя миг с прилавков свернулось абсолютно всё, потом не стало и самих прилавков, и под куполом образовалась всепоглощающая тишина.

Анте точно врос в землю. В этой тишине он остался один на один со стражей, и наконец уяснил для себя три важных вещи:

Движение = жизнь;

Это королевство;

Это конец.

Последний пункт до него дошёл слишком поздно.

В тронном зале царило столь чудовищное молчание, что мурашки осадили Анте как крепость. Без опоры, без поддержки, он дрожал, стоя спиной к вооружённой гвардии в медной форме. Он не мог произнести ни звука в своё оправдание. Покорно сдавшись стражам на подпольном рынке, позволив связать себе руки, и, что самое ужасное, позволив забрать Уну, теперь он был одинок и бессилен как мусор на космической орбите.

Бесшумно раскрылись створки гигантских дверей и раздались шаги монарха, что неспешно проследовал к трону. Именно тогда Анте понял, как сильно всю свою жизнь недооценивал тишину. Он давно привык, что все торжественные

мероприятия должна сопровождать музыка. Она заполняла всё его существование, была для Анте символом самой жизни. Музыка задавала любому событию верный ритм, настроение, заполняла неловкое молчание, превозносила каждое чувство. Но не здесь.

За спиной его зазвучал великолепный голос, объявивший все положенные королевские титулы. Король Авареи носил имя Луи, и на этом его сходство с порядковыми французскими монархами заканчивалось. А больше Анте ничего не запомнил.

Он пожалел, что не видит обладателя яркого голоса, но в королевских должностях всё равно не разобрался, поэтому даже по внешнему виду не смог бы определить, кто это – глашатай, церемониймейстер или какой-нибудь камердинер.

– Ваше Величество, арестант доставлен по Вашему приказу.

Ни допроса, ни обвинения, ни одного ответа на его вопросы – Анте хотелось с криком выскочить в окно, и если бы не высота, будь она неладна, он бы так и поступил. В этой жуткой тишине голос монарха прозвучал для него как лезвие гильотины. Хотя король произнёс всего лишь:

– Приветствую вас в Аварее.

Речь его была мягкой и свободной, а король находился на другом конце тронного зала – так далеко, что казался крохотным, но Анте чувствовал именно себя незначительной

букашкой. Такого с ним не было ни разу в жизни: ни в самый голодный день, ни под ногами слушателей на площадях.

– С арестантами не ведут бесед, но тут случай особый, – оживлённо произнёс король, взмахнув рукой, и пол вокруг Анте куда-то поехал. Оказалось, он стоит на платформе.

Всё-таки пора привыкнуть к тому, что этот мир не стоит на месте. Платформа везла музыканта к трону. Не устояв на ногах, он упал на колени. Видимо, это и требовалось.

И оказавшись у подножия, Анте увидел, что это тоже человек, тоже со святающимися синими глазами, но его тело не щёлкало и не лязгало металлом. И его красивое, подвижное лицо, покрытое серебряным напылением, притягивало всё внимание.

Возле трона шевельнулась низенькая фигура в чёрном:

– Ваше Величество, это рискованно, – напомнил советник – во всяком случае, Анте считал, что возле трона обычно стоят советники.

– Я знаю, – ответил монарх, и голос его приобрёл холодный блеск. – Но я должен услышать и увидеть всё лично.

Король Луи свысока оглядел зал и указал на Анте перстом:

– Развяжите его. Отдайте ему инструмент. Пусть сыграет.

У Анте взмокли ладони. Что играть? Как? Какую музыку выбрать для того, кто никогда её не слышал? Что случится? Это шанс? Приговор? Смертельная опасность, и не только для него?

Но как только изящный стан Уны оказался в его руках, пальцы Анте сами нашли нужные струны. Мелодия подхватила его тело. Поднявшись на ноги, от страха он прикрыл глаза, ни на миг не отрываясь от гитары. И когда Анте заиграл, весь зал, словно ожил под весом старинного литья и тяжёлого бархата, запел вместе с ним. Вековые отзвуки оркестра, хора, балов и церемоний, полонезы, фуги, менуэты, реквиемы и симфонии. Мелодия мира Анте была совсем иной, но в союзе с этим миром превращалась в нечто магическое.

Музыка всегда была его родной обителью, и тревога исчезла. Всё здесь имело совершенно иную силу, и не имело ничего общего с привычными выступлениями на публике. Потоки звука пронизывали пространство, в воздухе сыпались искры. Ударяя по струнам, Анте чувствовал, как сквозь него молниями ветвится электричество, но он твёрдо стоял на ногах и продолжал играть. Он понимал, что если остановится, что-то важное оборвётся в тот же миг.

Только раз он поднял веки, чтобы увидеть публику. Заворожённый взгляд короля, прикованный к пальцам Анте, потерялся в волшебных отзвуках Уны. Не в силах усидеть на троне, он вскочил на ноги, и вот один шаг, другой... И король, и вся его свита, и придворные пустились в пляс...

Никто из них уже не мог остановиться. Погрузившись в свою страсть целиком, Анте больше не стоял на месте. Зал вторил ему, слушатели топали и хлопали в ритм. Что-то великое и сокровенное рвалось у него изнутри. Анте не знал

этой мелодии, но всё играл и играл, пока на грубых пальцах, закалённых часами репетиций, не проступила кровь.

Синие молнии тока оплетали тронный зал паутиной. Знать заполнила его мигающим хороводом. Гвардия, побросав оружие, пустилась за ними следом. Весь дворец загудел, замычал, запел, и хоровод превратился в смертельный водоворот, затягивая короля и всю его свиту в тесную гущу измотанных бессознательных тел, проглатывая каждого с головой. И как бы Анте ни хотел остановиться, он уже не мог этого сделать.

И как только он понял что натворил, голову его пронзила острая боль, а перед глазами всё померкло.

Очнулся он в темнице. И хотя тело не слушалось, а от любого движения ломило кости, первым делом Анте огляделся, чтобы найти Уну. Но гитары не было. Как не было и волшебных ботинок, и никаких ботинок вообще.

Но в камере он был не один. Сидя на матрасе у стены напротив, сокамерник не сразу заметил, что Анте пришёл в себя, а когда заметил, ослепил его жемчугом улыбки. Анте понял, что заключённый здесь недавно, либо преступников регулярно посещает удивительно хороший дантист.

– Я Эмилио, – представился парень, но видя, что Анте шевелился-то с трудом, руку ему протягивать не стал. – И тебя тоже сюда за "выступления" упекли?

Анте вяло представился и еле-еле сел. Всё тело скрутило, будто он сунулся в бассейн с электрическими угрями.

– Выступил перед Его Величеством, – хохотнул он сквозь слёзы. После случившегося только и оставалось, что смеяться-ся.

– Так это ты пробрался из другого мира... – присвистнул Эмилио, и во взоре его проступила глубокая оценка.

– Откуда ты знаешь?

– Твоя гитара. Здесь таких не делают.

– Уна? Ты её видел?! – несмотря на боль, Анте вскочил на ноги, и его понесло в сторону, прямо на соседа по камере.

Тот воздел руки, останавливая его, и тяжело вздохнул:

– Эх, прости, друг, но эту красавицу ты больше не увидишь. Здесь инструменты долго не живут.

– Я не понимаю...

– Её пустили на дрова, – прямо, без подготовки ответил Эмилио, и Анте ощутил, как холодный камень уходит у него из-под ног.

И всё, что произошло до этой самой секунды, навалилось на него и придавило его обломками, как обрушившееся здание. Если до сего момента Анте лелеял надежду выбраться и вернуться домой, то теперь, представляя жалобный треск грифа, объятого пламенем, звон лопающихся струн, он признал, что всё пропало. Он сел, но тело словно не принадлежало ему. Воздух будто бы проходил насквозь, не попадая в лёгкие. Пальцы онемели.

Уна, его Единственная. Её больше нет.

– Что мне делать? – наконец выдавил Анте спустя веч-

ность.

– Можно подумать, у тебя тут широкий выбор, – невесело усмехнулся парень, – Можешь выбрать, посидеть в камере, или посидеть в камере. А можно ещё в камере посидеть.

– И как долго мне здесь быть? – спросил Анте.

– Могу сказать тебе спасибо. До сегодняшнего дня я думал, что буду торчать здесь годами и наслаждаться жизнью. Невесть какие хоромы, но кормят неплохо и компания хорошая. Но главное – мы были в безопасности, а теперь благодаря тебе всех музыкантов казнят на рассвете.

И теперь, открыв правду, Анте угадал в голосе Эмилио не прямоту, не честность, а затаённую обиду. Всех их казнят. Всех музыкантов... Но это значило, что он не единственный музыкант.

Эмилио оказался певцом. Его долго не могли поймать, ведь без инструмента невозможно было доказать, что он промышляет музыкой. Но королевской страже помог его лучший друг, и так Эмилио оказался здесь, и провёл в заточении два года.

Анте спрятал голову в ладонях. Ни обуви, ни Уны, ни двух сестёр, запропадившихся невесть куда. "Здесь каждый сам по себе", – напомнил внутренний голос, но от этого было не легче. Анте снова нашёл монетку в кармане штанов и рассмеялся: у него забрали гитару, забрали ботинки, но зелёная от патины чешская корона никого не интересовала. Видимо, страже было так его жаль, что обирать Анте до последней

мелочи они не стали.

Странно, но монетка придала ему храбрости, и как бы там ни было, от него уже ничего не зависело. И в ту секунду, когда синее подкопчённое небо за решёткой темницы подкрасил персиковый ореол светила, приближая рассвет, а вместе с ним и казнь, Анте понял, что готов умереть за свою музыку. До последнего вздоха он будет музыкантом, и даже близость смерти этого не изменит.

– Чего расселся? – буркнул знакомый детский голос, и Анте подумал, что у него начались галлюцинации.

– Ого, это твоя зверюшка?! – Эмилио подскочил на ноги, удивлённо глядя на решётчатую дверь, и тогда стало ясно, что ему всё это не мерещится.

– Осторожно, злая кусака, – недовольно ответил голос.

Между прутьев решётки на них глядел ушастый фенёк.

– Мел? – неведомая сила подхватила Анте под руки, окрыляя и наполняя надеждой. Ему потребовались все силы, чтобы не расцеловать звериную мордочку.

Возможно, Мелочь, не вышедшая ростом и всегда походившая на девочку, была единственным жителем города, способным пролезть в самый узкий лаз королевской темницы. Достаточно маленькая, чтобы не привлекать внимания, и, разумеется, удивительно талантливая. Нет, талантливая не в том, чтобы пробраться мимо стражи, а в том, чтобы, дав обещание отправить Анте домой, сделать всё, чтобы его выполнить.

– А что я тебе принесла? – с хитрецей спросила Мел, оборачиваясь человеком, и пропихнула под решёткой музыкальную шкатулку – настолько миниатюрную, что её можно было принять за спичечный коробок.

Анте подумал, что история об этом побеге из тюрьмы будет легендарной, правда кто поверит, что можно взломать замок с помощью музыки? Если бы он воочию этого не увидел, Анте сам не поверил бы, что малюсенькая шкатулка может снять с петель дверь камеры.

Конечно же, если бы не поднялась тревога, это был бы уже не настоящий побег. Но несмотря на ужас, на вернувшуюся боль в лодыжке, Анте снова чувствовал себя ребёнком в большой интересной игре. Стража преследовала их по пятам. Петля по запутанным коридорам темницы, он вспоминал все те лесенки, закоулки, горки и карусели города, и ноги его сами ступали нужной дорогой.

Мел вошла во вкус, и выставив перед собой шкатулку как щит, освободила каждого, кто просил помощи. И целая толпа музыкантов, годами не видевшая неба над головой, рванула вместе с ними к выходу.

Не раз Анте думал, что вот-вот умрёт, не обретя свободы. Пламя орудий свистело так близко, и люди с криками падали за его спиной, что казалось всё кончено. Но он живым и невредимым выскочил на площадь... и обомлел. В полном оснащении его встретила та самая флотилия торговцев подпольного рынка, и вместе с ними была Кина.

Они принесли с собой музыкальные инструменты. Кое-как слаженные, нелепые, собранные по-своему, но каждый из них издавал звуки, и каждый звук можно было превратить в музыку. Заключив Анте в неожиданные и неожиданно приятные объятия, Кина, вся красная от смущения, вручила ему причудливую семиструнную гитару – ту, что смастерила сама.

– Прости, так торопилась, что забыла убрать седьмую струну. Могу срезать, – выпалила она, уклоняясь от пламени.

– Не нужно. Спасибо, – ответил Анте, и хоть момент был неподходящий, и всё вокруг горело, решился пошутить: – Всё-таки я рад, что у тебя не двадцать пальцев на руке.

Он играл как никогда в жизни. Отбрасывая преследователь со своего пути, Анте гордо шёл в шеренге музыкантов, и все песни, которые он когда-либо исполнял, становились патронами в его спасательной обойме. Вначале каждый играл на свой лад, но потом нота за нотой они услышали, и тогда сотни мелодий сложились в единый мощный оркестр, провозглашающий о свободе.

Город слышал их. Город пел вместе с ними. Люди высыпали на улицы, подстраиваясь неумелым хором под звуки проходящей музыкальной армии, а кто не умел – хлопал в ладоши, танцевал и гремел всем, что попадалось под руку. Вековая тишина прервалась.

– Откуда они знают эту музыку? – спросил Анте, шагая рядом с Киной и Мел.

– Помнишь мои музыкальные шкатулки?

Он кивнул. Ещё бы не помнить.

– Их очень много, но брать для них музыку было неоткуда. Мелочь приносила мне песни, которые слышала на площадях.

– Она по памяти их пела? У неё отличный слух.

– К тому же, она много лет за тобой следит и запоминает.

– Подожди... За мной? Как следит?..

– Через фонтаны.

– Так этот... Тот волшебный фонтан не один?

Кина улыбнулась. Всегда серьёзная и собранная. Анте думал, она вовсе никогда не улыбается. А тут поплыл... И в груди его зазвенело, запело что-то большое и горячее.

Они шли наперекор королевской гвардии, но стражи, даже сбитые с ног волной звука, не опускали своих пламенных ружей и подавляли музыку волнами огня. Анте и не заметил, как опять оказался над городом. Стекло под его ногами задвигалось. И он понял, что бежать некуда.

Он был на виду у тысяч горожан, и как на ладони пред взводом королевских стрелков, способных испепелить его вмиг. Но гитара в его руках – его новая Уна напоминала, что Анте теперь не один. Со странным звучанием, упрямым и волевым, но сильным и ясным, Уна прорезала неземную высоту всполохами электричества, наполняя сердца и мысли каждого, кто слышал её.

Люди, было, замолкшие под гнётом гвардии, снова запе-

ли. Из окон высовывались жильцы со шкатулками, кастрюлями, самодельными дудками. Кто-то пел во всю глотку, и Анте улыбался каждому, кто пытался помочь. И взошло солнце.

И когда он закончил играть, в городе вновь воцарилась тишина, но эта тишина была совсем другой. Тишиной перед овациями. И Анте был счастлив видеть, что этот мир никогда не вернётся к прежнему молчанию.

Он понимал, что здесь музыка не просто вид искусства. Это сила, это оружие. Но, наверное, Анте слишком увлёкся мыслью, что в этом городе даже опасная сила превращается во благо, если уметь ей управлять. И, наверное, поэтому, когда он снова ступил на людную площадь под бурные овации, Анте без страха обнял Мел.

И заряд электричества, накопившийся в его теле во время выступления, ударил в маленькое ушастое тельце с глазами-фонариками. И девочка рухнула наземь.

– Мелоди!

Кина с криком бросилась к ней, чтобы подхватить сестру, но Анте не успел издать ни звука, потому что всё вокруг закрутилось как на карусели, и спустя секунду он уже оказался на другом конце площади. И вот Анте снова ведут под руки двое стражей, только в этот раз уже не в темницу. Домой.

Он не поверил своим глазам, когда возле дождевой бочки встретил короля Луи собственной персоной. И это блед-

ное мерцающее существо, озаряющее стены металлическим блеском, снисходительно посмотрело на преступника синими глазами.

– Я даровал тебе помилование, но ты должен уйти.

И Анте ответил ему, что был бы счастлив это сделать, хотя на самом деле червячок сомнения точил его изнутри. Он то и дело возвращался мыслями к площади, где остались Кина и малышка Мел, и он был готов прямо сейчас, невзирая на обстоятельства, бежать туда со всех ног, чтобы убедиться, что с ними всё в порядке.

Но, конечно же, если бы он двинулся с места, его бы уже никто не пощадил. И Анте послушно шагнул в бочку. Но прежде чем уйти, он всё-таки спросил короля:

– Почему Вы так боитесь музыки?

– Музыка – опасная сила, – многозначительно ответил тот, но словно бы не сам, а по учебнику. – Это эмоции, а эмоции убивают. Восстания. Войны. Предательство. Только дисциплина – единственно верный путь.

– Но эмоции это и любовь, и признательность. И дружба, – возразил Анте. – Если ничего и никого не любить, и сторониться всего, что требует риска и смелости, чего ты стоишь?

Анте не знал, отправили его домой за эту фразу или просто сработал портал, но в следующий миг он уже оказался в Праге. В городе стояла такая тишина, что Анте испугался, не оглох ли во время перемещения. Но устало откинувшись назад и стукнувшись головой о бортик, выругавшись, он по-

нял, что звук всё-же есть.

– Почему так тихо? – заныл Анте, потирая затылок.

– Четыре утра? Самое интересное время. И правда, почему это в вашем мире в четыре утра все спят? – усмехнулась Мел.

– Ты жива! – он бросился её обнимать, но девочка подняла звенящую током ладонь, напоминая, что не стоит.

– Ты очень постарался, чтобы это было не так, – с укором посмотрела на него Мел, но сразу же перешла на смех. – Жива.

Мелоди с важным видом села на бортик фонтана, как бы готовясь к важному объявлению.

– Выбираясь из фонтана, главное не привлекать внимания. Сделай вид, будто давно здесь сидишь, и вот теперь решил наконец вылезти. Прохожие подумают, что ты чудак, зато не будут задавать вопросов.

– Ты так рассказываешь об этом, будто мне это пригодится.

Она немного грустно повела огромными ушами.

– Нет, не пригодится, конечно.

Анте попытался выдохнуть и не смог. Сердце защемило. Он с удивлением обнаружил, что становится сентиментальным.

– Мне обязательно уходить?

Он едва-едва начал привыкать к этому странному опасному миру, хотя и не стал отказываться от возвращения домой,

чтобы вновь погрузиться в привычную уютную рутину.

– Ты хорошо знаешь, как можно попасть обратно, – сказала Мелоди, спрыгивая с бортика и, подойдя ближе, мягко поцеловала музыканта в макушку.

Разряд электричества, прошедший по телу Анте, заставил его скорчиться, но и взбодриться, а Мел только шаловливо высунула язык и отскочила в сторону.

Ему хотелось тянуть время. Хотелось нырнуть под воду и снова очутиться в этом странном городе-карусели, который так и не удалось увидеть по-настоящему. Но бывают вещи, которые приходят к нам лишь однажды, и которые нельзя откладывать на потом, даже если они требуют усилий.

– Мы больше не увидимся? – спросил Анте, поднимаясь на ноги, уже почти не ощущая, как брызги падают на мокрое лицо.

– Мелодия ближе, чем кажется, – подмигнула Мелочь в ответ, и вскоре сквозь толщу воды не стало видно ничего, кроме двух жёлтых огоньков, а спустя секунду пропали и они.

Анте выбрался из фонтана. На площади было удивительно пусто и холодно, и по давнему опыту он решил, что день сегодня будет неприбыльный, поэтому сразу отправился искать свои вещи.

Как же ему объяснить полиции своё странное исчезновение?

Но шагая босиком по пустынным пражским улочкам с

причудливой новой Уной в руке, он уже не беспокоился об этом. Анте с теплотой вспоминал Мелоди и Кину, и в груди его ворочалось что-то светлое и родное. Что-то, что грело душу.

Сунув руки в карманы, чтобы согреться, он обнаружил в одном из них монетку – всё ту же, покрытую патиной. Вроде бы мелочь, но она столько для него значила. Она значила, что всё это было. И в этот счастливый осенний четверг Анте с улыбкой думал о том, что в искусстве, как и в жизни, не бывает мелочей. Всё есть большой механизм, единый инструмент. И каждая мелочь важна.

2020 г.

---

*Если вам понравился этот рассказ,
пожалуйста, оставьте отзыв или подпишитесь на меня
в соцсетях.*

Это поможет мне писать подобные истории чаще:

[tiktok.com/@mira_bauk](https://www.tiktok.com/@mira_bauk)

t.me/mirabauk

author.today/u/mirabauk

wattpad.com/mirabauk